

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Б. М. Фридман¹

Гарвардский университет (Кембридж, США)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-6

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АДАМА СМИТА

Адам Смит был одним из самых выдающихся мыслителей того удивительного периода интеллектуального брожения, которое сегодня известно как шотландское Просвещение. Он также был создателем современной западной экономической науки. По словам Дональда Винча, вероятно, главного современного нам исследователя Адама Смита, вторая книга Смита, «Богатство народов», явилась «источником классической политической экономики». Хотя у Смита в этой области были предшественники, он вполне заслуживает своей репутации отца современной экономической науки. Если бы он не напечатал свой великий труд, кто-то другой, несомненно, со временем пришел бы к его открытиям. Но он сделал это, и его вклад был огромен. Теперь, спустя почти двести пятьдесят лет, его идеи и открытия по-прежнему с нами. И они по-прежнему имеют первостепенное значение. Что подтолкнуло Смита к размышлениям? Откуда появились его важные идеи? Историк Эдмунд Морган (Morgan, 2013) заметил, что невозможно понять, почему люди действовали именно так; еще труднее понять, почему они думали именно так. Несмотря на трудности, цель данной статьи состоит в размышлении о ключевом интеллектуальном влиянии, направлявшем мышление Смита. В первом разделе статьи формулируется основное содержание фундаментального вклада Смита в экономическую науку. Во втором разделе перечислены четыре ключевых фактора разной степени известности, повлиявших на мышление Смита. Третий раздел содержит краткое объяснение важности обсуждаемой темы и непреходящей ценности наследия Смита для экономической науки.

Ключевые слова: история экономических учений, Адам Смит, первая и вторая теоремы благосостояния, методология экономической науки.

Цитировать статью: Фридман, Б. М. (2024). Идеиные предшественники Адама Смита. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 59(6), 78–88. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-6>.

¹ Бенджамин М. Фридман — именной профессор (Уильям Джозеф Майер) политической экономики Гарвардского университета; e-mail: bfriedman@harvard.edu.

B. M. Friedman

Harvard University (Cambridge, USA)

JEL: A11, A13, B1, B11, B12, B31, B41

INTELLECTUAL INFLUENCES ON ADAM SMITH'S THINKING

*Adam Smith was one of the most stellar figures of that astonishing period of intellectual ferment known as the Scottish Enlightenment. He was also the creator of modern Western Economics. In the words of Donald Winch, probably the foremost Adam Smith scholar of our time, Smith's second book, *The Wealth of Nations*, was «the fountainhead of classical political economy». Although Smith did have significant predecessors, he well deserves his reputation as the father of modern economics. No doubt someone else, in time, would have arrived at his insights if he had not come along. But he did, and his contribution was enormous. Nearly two hundred fifty years later, the consequences are still with us. They remain of first-magnitude importance. What spurred Smith's thinking? Where did his crucial insights come from? The historian Edmund Morgan (Morgan, 2013) observed that it is impossible to know why people acted as they did; it is even harder to know why they thought as they did. Even so, the object of this paper is to speculate about the key intellectual influences guiding Smith's thinking. Section I begins by clarifying the central content of Smith's foundational contribution to economics. Section II enumerates four key influences on Smith's thinking, some familiar but others less so. Section III briefly returns to the question of why all this is so important today, commenting on the lasting legacy of Smith's thinking for the discipline of economics.*

Keywords: history of economic thought, Adam Smith, first and second welfare theorems, methodology of economics.

To cite this document: Friedman, B. M. (2024). Intellectual influences on Adam Smith's thinking. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 78–88. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-6>

Основной вклад Адама Смита

Полезно начать с противопоставления «экономического» мышления (в XVIII в. это прилагательное еще не существовало в том значении, которое оно имеет сегодня) до и после Адама Смита. Три простых высказывания кратко представляют суть экономического мышления, скажем, 1700 г. Первое: могут ли люди правильно понять, какая деятельность в экономической сфере отвечает их собственным интересам? Традиционный ответ был: «Вероятно, нет». По этой причине большинство людей в то время считало, что правители должны направлять и экономическую деятельность. У французов была своя меркантилистская система, ставшая наиболее популярной при министре финансов Людовика XIV Жане-Батисте Кольбере; у англичан была мозаика из предоставленных государством монополий, определявших, кто может производить или импортировать

те или иные товары; другие страны также считали, что управление экономической деятельностью сверху вниз необходимо для успеха страны.

Второе: даже если бы люди могли понять, какая экономическая деятельность будет в их собственных интересах, совершенно не предполагалось, что их действия, исходящие из этих собственных интересов, принесут пользу кому-либо, кроме них самих. Напротив, большинство людей считало, что улучшение благосостояния одного человека происходит за счет благополучия других. Никто не мог помыслить о каких-то результатах частного корыстного поведения, которые будут выгодны для всех.

Третье: именно по этой причине общепринятой точкой зрения было то, что действия в экономической сфере, мотивированные личными интересами, неблагопристойны и постыдны. Обычным прилагательным, применяемым к такому поведению, было слово «порочный», а существительным, соответственно, «порок».

К 1790 г., т.е. году смерти Адама Смита, все три основные положения радикально изменились. Отвечая на вопрос о способности людей правильно понимать свой интерес в экономической сфере, Смит утверждал, что по большей части они могут это делать, *когда выступают в качестве производителей товаров и услуг*. Сочинения Смита, как в «Богатстве народов», так и в его более ранней книге «Теория нравственных чувств» (Smith, 1976), полны резких насмешек над глупостью отдельных лиц — особенно богатых — действующих в качестве потребителей. Но, как умный математик, который не хочет делать допущения большие, чем нужно для доказательства своей теоремы, Смит осознавал, что его теория не требовала, чтобы экономические агенты знали, что отвечает их личным интересам в потребительском пространстве. Для его ключевого предположения было необходимо, чтобы они хорошо понимали свой личный интерес, *действуя как производители*, и для этой цели он предположил, что в основном они этот интерес знают и понимают.

Касательно второго положения, и это наиболее важно, Смит установил, что, когда люди действуют в своих собственных интересах, они могут — при правильных условиях — в конечном итоге улучшить благосостояние других людей, а также свое собственное. Это был радикальный отход от прежнего: идея о возможности улучшения благосостояния других людей через преследование собственного интереса стала центральным элементом западной экономической мысли; она лежит в основе того, что сегодня экономисты называют первой теоремой благосостояния.

Третье положение тоже практически перестало существовать. По этой причине ко времени выхода «Богатства народов» действия, мотивированные личными интересами в экономической сфере, уже не считались морально предосудительными. Слова «порок» и «порочный» часто встречаются в книгах Смита, но они никогда не относятся к действиям в личных интересах как таковым.

У Смита действительно были идейные предшественники: во Франции такие фигуры, как Пьер де Буагильбер, Пьер Николь, Ричард Кантильон и Франсуа Кенэ, а в Англии — Бернард Мандевиль, Джозеф Батлер и Джозайя Такер. Франция здесь важна, поскольку Смит прожил там примерно два с половиной года и именно во время пребывания в Тулузе он начал писать «Богатство народов». Отсюда важный вопрос, на который следует ответить: возможно ли, что созданием современной экономики мы обязаны не Адаму Смиту, а кому-то из этих мыслителей? Не должны ли мы, например, считать Бернарда Мандевиля отцом современной экономики? Или, может быть, это Пьер Николь?

Мой ответ: нет, не должны. Хотя Мандевиль и Николь, и не только они, на уровне интуиции осознавали существование реальности, отраженной в первой теореме благосостояния, у них не было объяснения того, как это происходит. Мандевиль, например, в своей «Басне о пчелах» (Mandeville, 1924) ясно понимал, что именно «порочное» поведение пчел сделало их улей таким процветающим; если бы пчелы стали добродетельными, улей бы вскоре погиб. Подобным образом Николь в одном из своих «Моральных эссе» (Nicole, 1680) переведенном на английский язык в 1680 г., обращает особое внимание на сходство между последствиями действий, вызванных «самолюбием», и действий, вызванных «благотворительностью». Однако ни Мандевиль, ни Николь никак не объяснили этот поразительный результат: у них, в частности, не было четкого осознания роли рынков и конкуренции в его достижении. Но и никакой другой экономический механизм не был предметом их рассмотрения. Для поколения интеллектуалов, обученных мыслить в ньютоновских понятиях системы и механизма (подробнее об этом ниже), такое отсутствие объяснений делало высказывание неубедительным — подобно теореме без намека на доказательство.

В чем же тогда заключалось существенное содержание аргументации Смита в «Богатстве народов»? А он просто предположил, что человеческое стремление к материальной выгоде является врожденным и, следовательно, правомерным с точки зрения нравственности. В одном ключевом фрагменте он написал, что «желание улучшить наше положение, желание, обычно лишённое страстности и спокойное, присущее нам, однако, с рождения и не покидающее нас до могилы» (Смит, 2007, с. 348—349), а между этими двумя событиями «вряд ли бывает хотя бы один такой момент, когда человек... совсем не стремился бы так или иначе изменить или улучшить его [свое положение]» (Смит, 2007, с. 349). Следовательно, это желание не более позорно, чем тот факт, что нам приходится есть и дышать. Конечно, желание «улучшить свое положение» можно интерпретировать по-разному; но Смит сразу же пояснил, что для подавляющего большинства людей речь идет в первую очередь об их экономическом положении: «Большинство людей предполагает и желает

улучшить свое положение посредством увеличения своего имущества» (Смит, 2007, с. 349).

И каков же механизм, обеспечивающий общие выгодные последствия частных действий, имеющих такую мотивацию? Именно в этом заключается великий вклад «Богатства народов» в понимание экономических процессов: Смит ясно дает понять, что главные элементы данного механизма — это конкурентно определяемые цены и заработная плата. Более того, он объяснил, что сами конкурентно определяемые цены и заработная плата являются результатом сделок, мотивированных только личными интересами обеих сторон. Таким образом, конкурентный рыночный механизм является примером знакомой идеи Просвещения о непреднамеренном и непредвиденном. Рабочие, например, просто стремятся получить как можно более высокую заработную плату, в то время как работодатели, включая торговцев и производителей, просто стараются приобрести их труд как можно дешевле. Никто не имеет в виду и не собирается преследовать какие-либо общественные цели.

Самое главное, что этот механизм объясняет первую теорему благосостояния. Суть дела заключается в том, что частное преследование личных интересов, осуществляемое в правильных условиях, приводит к результатам, выгодным для всего общества, а благодаря «Богатству народов» мы теперь знаем, что основным условием этого является конкуренция на рынках. В условиях рыночной конкуренции действия, преследующие частные корыстные интересы, оказываются выгодными для других людей (отсюда первая теорема благосостояния), и в «Богатстве народов» Смит предложил еще один довод в пользу того, что они приносят пользу и обществу. У Смита не было слова «экстерналии» в современном экономическом смысле, но он явно понимал саму концепцию.

Открытие механизма, который и сегодня мы называем «невидимой рукой», привело к тому, что А. Смит, в общем и целом, возражал против создания препятствий для рыночной конкуренции, как со стороны правительства, так и в результате частного сговора. Смит, однако, был под впечатлением поразительной устойчивости появления указанного результата частных действий, а не фактами его отсутствия. Для Смита конкурентный рыночный процесс отнюдь не был нежным тепличным цветком, который необходимо защищать от всяческих покушений, и поэтому он был готов принять многие формы ограничений рыночной конкуренции, если они служили какой-либо общественной цели.

В «Богатстве народов» Смит выступал за прогрессивные подоходные налоги и налоги на роскошь (специальные налоги на роскошные средства передвижения) — в обоих случаях ради обычного перераспределения. Несмотря на то что он был шотландцем, он поддерживал налоги на виски и винокуренные заводы. Он высказывался в пользу ограничительных правил безопасности при строительстве домов в городах — например, требо-

вание, чтобы стоящие в ряд дома в Эдинбурге имели противопожарные стены (еще одна экстерналия). Он выступал за государственное образование ради его влияния как на отдельного человека, так и на все общество. В ответ на шотландский банковский кризис, который произошел всего за четыре года до публикации «Богатства народов», он считал необходимым регулирование банковской деятельности, более жесткое, чем то, что мы видели последние пятьдесят лет, особенно в западном мире. Он выступал за монопольные полномочия центральных банков.

В последние десятилетия очень многие люди полагают, что, выступая против любого мыслимого вмешательства в рынок, они следуют за Смитом, но они очень ошибаются.

Факторы влияния на мышление Смита

Что позволило Смиту прийти к открытиям, которые легли в основу экономики как мощной научной дисциплины, какой она постепенно стала? Я считаю, что в формировании мышления Смита решающее значение имели четыре различных фактора.

Коммерция. Смит жил в обществе, которое становилось все более коммерческим. В разное время Смит жил в четырех коммерческих центрах: Эдинбург, где он поселился после возвращения из Оксфорда, пока не стал профессором в Глазго, и куда вернулся после пребывания во Франции; Глазго, где он был студентом, а затем профессором; Париж, где он прожил короткий, но существенный в плане познавательности период, когда только начинал писать «Богатство народов»; и Лондон, где он провел большую часть десяти лет с момента возвращения из Парижа до завершения книги, особенно в критически важный период 1773–1776 гг. Он жил в коммерческом мире и был очень наблюдательным человеком. Часто общаясь с купцами и другими людьми, занимавшимися торговлей, он хорошо понимал, что они делают и какие мотивы ими движут.

Стоицизм. Когда Смит учился в Глазго, он познакомился с идеями стоиков и глубоко их воспринял; его фаворитами среди философов-стоиков были Эпиктет и Марк Аврелий. Ключевой принцип, который он позаимствовал у стоиков и который потом приобрел центральное значение для его размышлений об экономике, — это идея естественной гармонии во Вселенной.

Философия стоиков повлияла на творчество Смита двояким образом, что проявилось в двух его главных книгах. В «Теории нравственных чувств» стоическое мышление проявляется прежде всего на индивидуальном уровне. Вслед за своим другом и наставником Дэвидом Юмом, Смит подчеркивал важность для личности самоанализа, спокойствия и общительности. В «Богатстве народов» Смит обратился к обществу в целом, и именно здесь при исследовании экономической жизни общества прин-

цип естественной гармонии сыграл важнейшую роль. Действительно, вся концепция того, что мы сегодня называем первой теоремой благосостояния, которая состоит в том, что, когда вы преследуете свой интерес, ваше эгоистичное поведение улучшает и мое благосостояние через механизм рыночной конкуренции, — эта концепция по своей сути является одной из идей стоической философии. Стоики не говорили о всеобщей гармонии конкретно в экономическом контексте Смита, но они наверняка его бы поняли.

Ньютон. Как уже упоминалось, Смит принадлежал к поколению интеллектуалов, воспитанных на ньютоновских идеях системы и механистичности. «Начала математики» Ньютона появились в 1687 г. (Newton, 2009). К тому времени, когда Смит стал студентом, в 1730-х гг., эта книга стала частью стандартной учебной программы во всех шотландских университетах, включая Глазго, где учился Смит, а также в английском Кембридже (но не в Оксфорде, который, возможно, именно поэтому столько лет отставал в научной деятельности).

Ньютон вдохновлял не только ученых-физиков, но и всех, кто стремился к более глубокому исследованию человеческого поведения и его последствий для общества. Юм уже сформулировал цель такого исследования в 1730-х гг., когда Смит был еще студентом. В своем «Трактате о человеческой природе» Юм призывал к систематическому научному изучению человеческого поведения, сравнимому с тем, чего Ньютон достиг для физического мира: «Фактически мы предлагаем целую систему наук, построенную на почти совершенно новом фундаменте» (Hume, 2007, р. 4). Смит принял вызов. Это означало, среди прочего, что начинать надо с основополагающих принципов, основанных либо на логике, либо на наблюдениях, и для получения выводов опираться на четко выстроенные причинно-следственные механизмы.

Рассмотрим еще раз центральную роль ценового механизма в конкурентном рынке. Великое достижение Смита состояло в том, что он не просто описал этот механизм, но и поместил его в систему законов, управляющих Вселенной — в данном случае вселенной человеческого общества.

Одним из показательных примеров является известное высказывание Смита в «Богатстве народов», объясняющее, как работает система цен: «Таким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой *постоянно тяготеют* цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда *держат* их на значительно более высоком уровне и иногда несколько *понижать* их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они *постоянно тяготеют к нему*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 112).

Язык, который использовал Смит, объясняя, как работает ценовой механизм, содержит много замечательных ньютоновских выражений.

Цены «тяготеют» к основной цене рынка (в нашем сегодняшнем словаре — равновесной рыночной цене). Из-за «обстоятельств» (мы бы назвали их шоками) рыночная цена может оказаться выше равновесной рыночной цены — она «зависает» там, но если это так, то «сила» толкает ее обратно туда, где цена «стабилизируется». Цены постоянно «стремятся» к равновесной рыночной цене. Такими словами он мог бы писать о планетах на их пути вокруг Солнца, объясняя, что происходит, когда столкновение с каким-либо предметом сбивает планету с ее орбиты — процесс, хорошо понятный Кеплеру, а потом и Ньютону.

Религия. Как я довольно подробно писал в своей недавней книге «Религия и подъем капитализма», на Смита сильно повлияла революция в религиозном мышлении англоязычного протестантского мира, происходившая в его время. Особенностью этой революции, по моему мнению, имевшей большое значение, был отход от кальвинистской идеи предопределенности. Это фундаментальное изменение в религиозном мышлении повлияло на многие стороны жизни, но для трудов Адама Смита особенно важными оказались следующие три аспекта: человеческой природы, судьбы и цели.

Кальвин учил, что из-за греха Адама и Евы, унаследованного человечеством, как описано во второй главе еврейской Библии, человеческая природа «совершенно лишена добра,... но производит в большом количестве всякое зло» (Calvin, 1960, p. 251). Столетие спустя английские последователи Кальвина сформулировали эту идею в Вестминстерском исповедании: люди «в высшей степени не расположены и не способны к добру, сделались его противниками и всецело склонны к совершению всякого зла» (Leith, 1982, p. 201). Посткальвинисты, напротив, считали, что всем людям присуща доброта. По знаменитой метафоре Локка, мы все рождаемся со «свечой Господней», что означает способность разумно мыслить (Locke, 1824, Vol. 6, p. 133). Если только мы будем использовать дарованные нам возможности, мы сможем понять, какие действия будут правильными.

Центральным элементом взглядов Кальвина на духовную судьбу людей — а это важнейший вопрос для верующих — было предопределение. Кальвин учил, что решение о том, кого спасти, а кого обречь на вечные муки, принимается не только до рождения каждого человека, но даже до сотворения мира. Посткальвинисты, напротив, считали, что спасение потенциально возможно для каждого и, более того, в этом вопросе важен человеческий выбор и человеческие действия. По словам Джона Тиллотсона, первого архиепископа Кентерберийского, назначенного после Славной революции 1688 г. в Англии, каждый человек должен «сотрудничать» с божественным в достижении своего спасения: «без могучей Божественной энергии и помощи благодати Божией ни один человек не может покаяться и обратиться к Богу; но, как мы утверждаем, о Боге нельзя говорить, что Он помогает тем, кто ничего не делает сам» (Tillotson, 1772, p. 320).

Кальвин также учил, что единственная причина существования людей — это прославление Бога. Вся Вселенная, по его знаменитому выражению, является «театром» Божьей славы (Calvin, 1856, р. 69). Посткальвинисты, напротив, считали, что человеческое счастье, определенно является одной из целей, а, возможно и единственной целью, предусмотренной Божественным планом для нашего вида.

В результате религиозная вера в англоязычном протестантском мире перестала опираться на концепции порочности и предопределения, но приобрела более оптимистичный взгляд на человеческую природу и более широкое понимание возможностей человеческого выбора и человеческой деятельности. В книге «Религия и подъем капитализма» я утверждал, что это фундаментальное изменение помогло Смиту и его современникам осознать, что, просто следуя своей врожденной человеческой природе — в частности, действуя в своих собственных индивидуальных интересах — люди могут в конечном итоге совершать действия, которые также улучшат положение других.

Важно отметить, что дебаты вокруг этого сдвига в религиозном мышлении были в самом разгаре в Шотландии как раз в то время, когда юные Смит и Юм формировали свой взгляд на мир, в котором они жили. Отход от кальвинизма среди англоязычных протестантов происходил постепенно. В Англии он достиг своего апогея во второй половине XVII в.; в Шотландии — в середине XVIII в. (как раз вовремя, чтобы повлиять на мышление Смита и Юма); в Америке — во второй половине XVIII в. (что, кстати, оказалось важным при основании Американской Республики).

Конечно, я не предполагаю, что в случае Смита и Юма имело место сознательное намерение глубоко религиозных людей применить свои религиозные убеждения к экономическим исследованиям: Юм был известным скептиком; большинство людей его времени считали его атеистом. О религиозных убеждениях Адама Смита практически ничего не известно. Большинство людей думают (и я согласен с ними), что он был, самое большее, деистом XVIII в., т.е. принадлежал к тому типу людей, который мы в Америке ассоциировали бы, скажем, с Бенджамином Франклином или Томасом Джефферсоном.

Как же тогда действовало это влияние религиозного мышления? Смит и Юм жили в мире, в котором значение религии было гораздо более широким, глубоким и многомерным, чем значение каких-либо идей сегодня. Общение людей, занятых умственным трудом, в то время было очень интенсивным, и университет Глазго, где преподавал Смит, не был исключением. В многочисленных клубах и ресторанах, которыми славилось шотландское Просвещение, Смит и Юм постоянно общались со священнослужителями Шотландской церкви. Их большой друг Уильям Робертсон был одновременно принципалом (говоря сегодняшним языком,

президентом) Эдинбургского университета и модератором Генеральной Ассамблеи Шотландской церкви.

Крайне важно иметь в виду, что религия была вопросом, из-за которого люди сражались и умирали. Тридцатилетняя война между католиками и протестантами на континенте столетием ранее была столь же смертоносной для населения Европы, как Первая и Вторая мировые войны триста лет спустя. Гражданская война в Англии — в основном между протестантами двух типов — произошла при жизни бабушек и дедушек Смита и Юма. Некоторые боевые действия Якобитского восстания 1745 г., которое также имело религиозный аспект, шли непосредственно под стенами Эдинбурга. Смит и Юм не могли не помнить об этом.

Таким образом, фундаментальное изменение в религиозном мышлении, вызванное отходом от веры в предопределение, помогло сформировать то, что Эйнштейн назвал бы «мировоззрением» Смита и Юма (*Weltbild* в немецком оригинале). Как известно, Эйнштейн однажды заявил, что научная мысль является развитием донаучной мысли (Einstein, 1954, p. 276). Он также утверждал, что мир слишком сложен, чтобы его можно было охватить мыслью в его нынешнем виде; ученый должен создать себе «образ мира» — «мировоззрение» — и затем анализировать не объективно существующий мир, но мир, представленный в этом образе. Более того, Эйнштейн полагал, что этим занимаются не только ученые; он особо упоминал также поэтов, художников и философов (Einstein, 1918, p. 3).

Именно так поступают и экономисты. Мы в своих допущениях упрощаем картину реальности, потому что без этого нет прогресса. Мы создаем модели. Почему? Потому что, как объяснил Эйнштейн, мир слишком сложен, чтобы его можно было анализировать непосредственно. Вместо этого мы анализируем наши модели. Я думаю, что концепция исследования Эйнштейна идентична тому, что Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» подразумевал под «преданалитическим видением» (Schumpeter, 1954, p. 41). В том же духе мой коллега Джон Кеннет Гэлбрейт писал, что экономические идеи всегда являются продуктом своего времени и места (Galbraith, 1987, p. 1), где некий основной религиозный фермент присутствует в обсуждениях ключевых вопросов. Одним из таких вопросов для времени А. Смита была секуляризация доминирующего тогда религиозного мышления.

Прочное наследие

Наследие этого мировоззрения, особенно работы Адама Смита, и сегодня с нами. Экономическая наука по-прежнему изучает человеческий выбор. Первый семестр любого вводного курса по этому предмету по-прежнему посвящен выбору, сделанному домохозяйствами и фирмами, и его общесистемным последствиям. Механизм конкурентного рынка,

действующий через цены, который Смит открыл и объяснил, остается центральным элементом нашего аналитического аппарата. Первая теорема благосостояния по-прежнему лежит в основе нашего понимания экономических последствий. И тот широкий и оптимистичный взгляд на человеческую деятельность и человеческую природу, который дали нам Смит и Юм, по-прежнему является нашим достоянием.

Список литературы

- Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Calvin, J. (1856). *A Treatise on the Eternal Predestination of God*. Wetheim & Macintosh.
- Calvin, J. (1960). *Institutes of the Christian Religion*. 2 vols. Westminster John Knox Press.
- Einstein, A. (1954). *Ideas and Opinions*. Three Rivers Press.
- Einstein, A. (1918). Motive des Forchens (Principles of Research). In: *Zu Max Plancks sechzigstem Geburtstag. Ansprachen, gehalten am 26 April 1918 in der Deutschen Physikalischen Gesellschaft*, 29–32. C. F. Mueller.
- Galbraith, J. K. (1987). *Economics in Perspective: A Critical History*. Houghton Mifflin.
- Hume, D. (2007). *A Treatise of Human Nature*. D. F. Norton, M. J. Norton (Eds.). 2 vols. Oxford University Press.
- Leith, J. H. (Ed.) (1982). *Creeds of the Churches: A Reader in Christian Doctrine from the Bible to the Present*. John Knox Press.
- Locke, J. (1824). *The Works of John Locke in Nine Volumes*. 9 vols. C. and J. Riving.
- Mandeville, B. (1924). *The Fable of the Bees. Or, Private Vices, Publick Benefits*. 2 vols. Clarendon Press.
- Morgan, E. S. (2013). *The Birth of the Republic: 1763–89*. 4th ed. Chicago: University of Chicago Press.
- Newton, I. (2009). *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*. The Project Gutenberg EBook.
- Nicole, P. (1680). Of Charity and Self-Love. In *Moral Essays*, Vol. 3, 123–176. Printed for R. Bentley and M. Magnes.
- Schumpeter, J. A. (1954). *History of Economic Analysis*. Oxford University Press.
- Smith, A. (1976). The theory of moral sentiments. In: D. D. Raphael, A. Macfie (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith (Vol. 1)*. Glasgow University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281894.book.1>
- Tillotson, J. (1772). *The Works of the Most Reverend Dr John Tillotson, Late Lord Archbishop of Canterbury, in ten volumes*. Wal. Ruddiman & Company.

References

- Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. М.: Eksmo.